

спустя четыре года после

ЕСТЬ *молиться* ЛЮБИТЬ

мировой бестселлер

ЭЛИЗАБЕТ
ГИЛБЕРТ

Законный брак

Есть, молиться, любить

Элизабет Гилберт

Законный брак

«РИПОЛ Классик»

Гилберт Э.

Законный брак / Э. Гилберт — «РИПОЛ Классик», — (Есть, молиться, любить)

ISBN 978-5-386-02354-6

«Есть, молиться, любить» заканчивается историей о том, как во время своего путешествия на Бали Элизабет Гилберт встретила разведенного бразильца Фелипе (Жозе Нуньеса). Целый год Фелипе и Гилберт поддерживали «междугородную связь». Девяносто дней бой-френд Гилберт провел рядом с ней в Америке, а всё остальное время они жили отдельно или путешествовали вместе по миру. Весной 2006 года пара вернулась в США. Прямо в аэропорту Далласа спутник Элизабет был задержан. Представитель таможни разъяснил Фелипе, что он может вновь въехать в страну только в том случае, если женится на своей американской подруге. Весь следующий год Элизабет Гилберт провела в изгнании вместе с Фелипе, она много читала о браке. Из размышлений Гилберт на эту тему и родилась эта книга...

ISBN 978-5-386-02354-6

© Гилберт Э.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Обращение к читателю	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элизабет Гилберт Законный брак

Роман о том, как скептик вроде меня примирился с институтом брака

*Para J. L.N. – o meu coroa*¹

*Нет предприятия более рискованного, чем законный брак.
Но нет и большей благодати, чем брак счастливый.
Бенджамин Дизраэли, 1870 (Письмо дочери королевы Виктории
Луизе с поздравлениями по случаю помолвки)*

¹ Для J. L. N. – моей драгоценности (португ.)

Обращение к читателю

Несколько лет назад я написала книгу «Есть, молиться, любить», в которой рассказала о путешествии по миру, предпринятом в одиночку после тяжелого развода. Пока я писала книгу, мне перевалило за тридцать пять, и всё, что с ней связано, означало для меня большой перелом как для писателя. До «Есть, молиться, любить» в литературных кругах меня знали (в тех узких кругах, где меня вообще знали) как женщину, которая пишет в основном о мужчинах и для мужчин. Много лет я работала журналисткой в таких мужских изданиях, как «GQ» и «Spin», и на их страницах исследовала мужскую натуру со всех возможных углов. В центре внимания моих первых трех книг (как художественных, так и документальных) также были герои-супермачо: ковбои, рыбаки, зарабатывающие на ловле лобстера, охотники, дальнбойщики, водители грузовиков, лесорубы...

В ту пору мне часто говорили, что я пишу как мужчина. Правда, я не совсем понимаю, что значит «писать как мужчина», но, когда люди говорят такое, начинаешь думать, что они хотят сделать комплимент. Уж я-то точно воспринимала это как похвалу. Однажды для статьи в «GQ» я даже перевоплотилась на неделю в парня. Постриглась коротко, забинтовала грудь, сунула в штаны презерватив, набитый кормом для попугайчиков, и прилепила эспаньолку под нижнюю губу – а всё для того, чтобы хоть как-то прочувствовать и понять загадочную притягательность существования в виде мужчины.

Тут добавлю, что одержимость мужчинами распространялась и на мою личную жизнь. Иногда это было чревато осложнениями.

Нет – это *всегда* было чревато осложнениями.

Так уж вышло, что с неразберихой в романтических отношениях и помешанностью на карьере мужская тема настолько занимала меня, что мне совершенно некогда было задуматься на тему женственности. И уж точно я никогда не задумывалась о том, что я сама представляю как женщина. По этой причине, а также потому, что собственная персона никогда особенно меня не интересовала, я так и не успела узнать себя. И вот когда наконец в районе тридцати меня накрыло мощной волной депрессии, я ни понять не смогла, ни выразить, что же со мной происходит. Сначала подкосилось здоровье, потом развалился мой брак и в довершение всего – это было ужасное, страшное время – у меня поехала крыша. В этой ситуации мужская стойкость не могла служить мне утешением: ведь чтобы распутать эмоциональный клубок, требовалось прощупать его весь, по ниточке. Разведенная, одинокая, с разбитым сердцем, я бросила всё и уехала на год – путешествовать и узнавать себя. Я была намерена изучить себя столь же пристально, как некогда исследовала исчезающий вид – американского ковбоя.

А потом, поскольку я все-таки писательница, я написала об этом книгу.

Эта книга стала бестселлером, прогремевшим на весь мир – в жизни иногда случаются очень странные вещи, – а я, после десяти лет в роли исключительно мужского автора, который пишет о мужчинах и мужественности, вдруг превратилась в «писательницу женских романов». Правда, мне сложно понять, что это за «женские романы» такие, однако я более чем уверена: такие слова люди никогда не произносят как комплимент.

Как бы то ни было, меня теперь всё время спрашивают: надеялась ли я на такой успех? Всем хочется знать, подозревала ли я, когда писала «Есть, молиться, любить», что книга станет хитом. Ответ – нет. Никак не думала и уж точно не планировала, что книга вызовет столь бурную реакцию. Когда я писала ее, то вообще надеялась, что мои читатели простят меня, что пишу мемуары. Читателей у меня было раз-два и обчелся. Правда, они были преданные, и им всегда нравилась крутая девица, пишущая крутые рассказы о крутых мужиках, которые совершают всякие крутые мужские поступки. А тут – довольно эмоциональный рассказ от первого лица: разведенная женщина отправляется на поиски психического и духовного равновесия.

Оставалось уповать, что они отнесутся ко мне со снисхождением и поймут, что я должна была написать эту книгу по личным причинам, – а потом можно будет сделать вид, что ничего не было, и жить дальше.

Но все получилось не так.

(И кстати, на всякий случай: книга, которую вы держите в руках, – это *не* крутой рассказ о крутых мужиках, которые совершают крутые мужские поступки. Я вас предупредила!)

Другой вопрос, который постоянно задают мне с некоторых пор: как изменилась моя жизнь после выхода «Есть, молиться, любить»? На него трудно ответить, потому что масштаб этих изменений поистине космический. Для сравнения приведу пример из моего детства: когда я была маленькая, родители как-то отвели меня в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке. Мы стояли в Зале океанов. Папа показал на потолок, где над нашими головами висел муляж большого голубого кита в натуральную величину. Папа хотел удивить меня размерами исполинского животного, но я кита в упор не видела. Стояла прямо под ним и смотрела прямо на него, но была не в силах воспринять кита целиком. Моя голова была не способна осознать, что может быть нечто столь большое. Я видела лишь голубой потолок и изумление на лицах людей вокруг (наверное, тут происходит что-то интересное, думала я) – но вот самого кита увидеть не могла.

Вот какие чувства у меня иногда вызывает «Есть, молиться, любить». На определенной точке траектории взлета этой книги я просто перестала воспринимать масштаб происходящего, поэтому бросила попытки и переключилась на другие вещи. Сажала овощи на грядке, к примеру. Нет лучшего способа осознать относительность всего во Вселенной, чем сбор слизняков с помидорных кустов.

Но при этом для меня оставалось загадкой: как после феномена «Есть, молиться, любить» я вообще смогу писать, не оглядываясь на эту книгу? Не хочу притворяться, что ностальгирую по тем временам, когда прозябала в неизвестности, но раньше я всегда писала книги, подразумевая, что их прочтет всего лишь горстка людей. По большей части это меня, конечно, удручало. Но было в этом и одно критическое преимущество: ведь если бы я опозорилась по полной программе, не так уж много народу это бы увидело. Как бы то ни было, передо мной теперь стояла почти научная дилемма: вдруг у меня появились миллионы читателей, которые ждут следующую книгу? Как написать книгу, которая понравилась бы миллионам? Мне не хотелось нагло потворствовать общему настроению, но не хотелось и враз отметить всех моих замечательных и увлеченных читателей, большинство из которых были женщинами, – после того, что нам пришлось пережить вместе.

Я не была уверена, что делать, но писать всё равно начала. За год я написала черновой вариант книги, пятьсот страниц, но, поставив точку, поняла, что что-то не так. Голос героини не был похож на мой. Он вообще не был похож на голос. Это были какие-то искаженные слова, выкрикнутые в мегафон. Я отложила рукопись, чтобы никогда больше к ней не возвращаться, и снова отправилась в свой огород – копать, подвязывать и думать.

Хочу для ясности заметить: это был *не кризис* – тот период, когда я никак не могла понять, как же мне теперь писать (или, в моем случае, как писать, чтобы это получалось само собой). В моей жизни все было прекрасно, я была очень благодарна за душевное спокойствие и профессиональный успех и вовсе не собиралась всё портить, превращая эту задачку в катастрофу. Но задачка была еще та. Я даже начала подумывать, что, возможно, моя писательская песенка спета. Такая судьба не казалась мне концом света – если ей суждено было стать моей судьбой, конечно, – но я пока не знала, так это или нет. Могу лишь сказать, что мне предстояло провести еще много часов на грядке с помидорами, прежде чем я разобралась, что к чему.

В конце концов с определенной долей удовлетворения для себя я признала, что не смогла бы – и *не смогу* – написать книгу, которая понравилась бы миллионам читателей. По крайней мере, не смогу написать ее намеренно. Нет, я не знаю, как написать всеми любимый бестселлер

на заказ. Если бы знала, как это делается, уверяю вас, сделала бы это давно, и жизнь моя стала бы легче и комфортнее еще много лет назад. Но так схема не работает – во всяком случае, с такими писателями, как я. Мы пишем только те книги, которые должны или способны написать, а потом отпускаем их на свободу, сознавая, что всё дальнейшее, что с ними произойдет, от нас уже не зависит.

Итак, по многочисленным личным причинам та книга, которую я *должна* была написать, и есть эта самая книга. Еще одни мемуары (с дополнительными социоисторическими вставками!) о том, как я пыталась примириться со сложным институтом брака. Насчет темы я никогда и не сомневалась: просто мне сложно было найти свой голос. Рано или поздно я обнаружила, что единственный способ начать писать снова – строго ограничить (по крайней мере, в воображении) число читателей, для которых я пишу. И вот я начала с самого начала. Этот вариант «Матримониума» я писала не для миллионов, а для двадцати семи читателей. Если поконкретнее, то вот их имена: Мод, Кэрол, Кэтрин, Энн, Дарси, Дебора, Сюзан, Софи, Кри, Кэт, Эбби, Линда, Бернадетт, Джен, Джана, Шерил, Райя, Айва, Эрика, Нишель, Сэнди, Анна, Патриция, Тара, Лора, Сара и Маргарет.

Эти двадцать семь женщин – мой маленький, но очень важный круг близких друзей, родственниц, соседок. Им от двадцати до девяноста пяти лет. Одна из них – моя бабушка, еще одна – падчерица. Одна – моя самая старая подруга, а еще одна – самая новая. Еще одна недавно вышла замуж, две других (а может, и больше) хотят замуж больше всего на свете, а еще две недавно вышли замуж по второму разу. Есть одна, которая очень рада, что вообще никогда не была замужем. Есть и такая, для которой недавно закончились отношения – длинной почти в десять лет – с другой женщиной. Семь из них – матери, две (в момент написания) ждут ребенка, остальные по разным причинам не имеют детей и испытывают на этот счет совершенно разные эмоции. Кто-то из этих женщин занимается домашним хозяйством, а кто-то – карьерой; имеются и такие, честь им и хвала, кому удастся совмещать работу и семью. Большинство из них белые, но присутствуют и чернокожие, две родились на Ближнем Востоке, одна – скандинавка, две из Австралии, одна из Южной Америки и одна из каджунов.² Три глубоко религиозны, пять совершенно не интересуются вопросами религии, большинство еще не определились с духовными исканиями, а некоторые с годами выработали собственную систему отношений с Богом. У всех этих женщин чувство юмора на порядок выше среднего. Все в тот или иной момент жизни пережили тяжелую утрату.

В течение многих лет я сидела с этими милейшими людьми за многочисленными стаканами вина и чая и вслух размышляла о браке, интимности, сексуальности, разводах, верности, семье, ответственности и свободе. Моя книга родилась из этих разговоров. Когда я складывала на страницах разрозненные кусочки, то ловила себя на том, что в буквальном смысле беседую – вслух! – со своими подругами, родственницами, соседками и отвечаю на вопросы, порой заданные несколько десятков лет назад, а также задаю новые, свои. Эта книга никогда не появилась бы без этих двадцати семи удивительных женщин, и я безгранично благодарна им за то, что они есть. Одним своим присутствием они учат меня мудрости и утешают в трудную минуту.

Элизабет Гилберт Нью-Джерси, 2009

² Потомки акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде, которые в XVIII веке были сосланы англичанами в разные колонии американского Юга. Часть из них собралась во французской Луизиане. Говорят на акадийском диалекте французского языка – каджуне. – *Здесь и далее примеч. пер. (кроме указанной авторской сноски).*

Глава 1

Замужество и сюрпризы

Брак – это дружба, признанная государством.
Роберт Льюис Стивенсон

Однажды вечером, летом 2006 года, в маленькой деревушке в Северном Вьетнаме, я сидела у почерневшего очага на кухне в компании местных женщин, чьего языка не знала, и пыталась расспросить их о замужестве.

К тому времени я уже несколько месяцев путешествовала по Юго-Восточной Азии с человеком, которому вскоре суждено было стать моим мужем. По общепринятым меркам, наверное, следовало бы называть его женихом, но это слово смущало нас обоих, и потому мы его не использовали. А вообще говоря, нас обоих смущала и сама идея брака. Мы никогда не планировали жениться и не хотели этого. Но в планы вмешалось providение, и именно поэтому мы теперь как неприкаянные блуждали по Вьетнаму, Таиланду, Лаосу, Камбодже и Индонезии, одновременно предпринимая срочные и даже отчаянные попытки вернуться в Америку и пожениться.

Мужчина, о котором идет речь, уже два года был для меня любимым, драгоценным человеком, и на этих страницах я буду звать его Фелипе. Фелипе – добрый и заботливый джентльмен из Бразилии на семнадцать лет меня старше; с ним я познакомилась во время другого путешествия (оно было запланировано), предпринятого мной за несколько лет до этого в попытке залатать вдребезги разбитое сердце. К концу своих скитаний я его и встретила. К тому времени он уже много лет жил на Бали, мирно и в одиночестве, также пытаясь залатать свое разбитое сердце. За встречей последовала привязанность, затем – неспешные ухаживания и, к обоюдному нашему изумлению, любовь.

Наше нежелание вступать в брак было вызвано вовсе не отсутствием любви. Как раз наоборот: мы с Фелипе были безумно влюблены. Мы с радостью надавали друг другу всяческих обещаний вечно быть вместе. Даже поклялись до конца жизни хранить друг другу верность, хоть эта клятва и не была публичной. Проблема состояла в том, что мы оба пережили ужасный развод, и этот опыт до такой степени измучил нас, что сама мысль о законном браке с кем угодно, даже с такими милыми людьми, как мы сами, наполняла нас гнетущим страхом.

Развод, как правило, дело неприятное (Ребекка Уэст³ писала, что «разводиться так же весело и целесообразно, как бить ценный фарфор»), и наши не были исключением. По большой космической десятибалльной шкале Ужасных Разводов (где 1 – дружеское расставание, а 10 – ни много ни мало, смертоубийство) я бы оценила свой на семь баллов с половиной. Ни к самоубийствам, ни к убийствам он не привел, но, не считая этого, грызня была самой отвратительной из тех, на какую только способны двое хорошо воспитанных людей. И длилось это более двух лет.

Что касается Фелипе, его первый брак (сумной, образованной австралийкой) закончился почти за десять лет до того, как мы познакомились на Бали. Сам развод прошел довольно спокойно, но расставание с супругой (а также домом, детьми и почти двадцатилетней историей совместной жизни) оставило на этом добром человеке глубокую печать утраты с отчетливым привкусом сожаления, одиночества и тревог о финансовом благополучии.

Словом, наш опыт принес нам одни только неприятности, финансовый урон и внушил крепкое подозрение к так называемым прелестям законного брачного союза. Мы с Фелипе на

³ Уэст, Ребекка (1892–1983) – английская писательница, журналист, литературный критик, автор книг о путешествиях.

собственной шкуре познали неприглядную правду любой опыт близких отношений где-то под первоначально милой наружностью скрывает потенциальную возможность обернуться полной катастрофой – как змея, свернувшаяся клубком. Мы также поняли, что брак – предприятие, в которое легко вступить, но вот покинуть его не так-то просто. Без законных препон человек, не находящийся в браке, может в любой момент разорвать ухудшившиеся отношения. Но женатый человек, который хочет сбежать от обреченной любви, вскоре обнаруживает, что в его брачном контракте в большой степени участвует и государство, и может пройти очень много времени, прежде чем государство отпустит его на свободу. При таком раскладе вы на месяцы и даже годы в буквальном смысле оказываетесь заточенными в тюрьме законных отношений, где любви нет и в помине, – ну прямо как жертва пожара в горящем здании, где вы, мой друг, прикованы наручниками к батарее где-нибудь в подвале и не можете вырваться, а вокруг уж клубится дым и рушатся балки...

Извините, может быть, вам все это кажется слишком удручающим?

Я делюсь с вами этими неприятными мыслями, лишь чтобы объяснить, почему мы с Фелипе с самого начала наших отношений заключили такой довольно необычный пакт. От всего сердца мы поклялись никогда, ни при каких обстоятельствах не жениться. Мы даже пообещали никогда не объединять наши денежные средства и активы, чтобы больше не пришлось переживать кошмар копания на взрывоопасной свалке личных сбережений, общих кредитов, документов, недвижимости, банковских счетов, посуды и любимых книжек. Принеся эту клятву, мы с реальным чувством спокойствия продолжили наше партнерство, где никто не заступал на соседнюю территорию. Так же как объявление о помолвке способно принести многим парам ощущение всеобъемлющей защищенности, клятва никогда не вступать в брак окутала нас чувством эмоционального покоя, которое было необходимо, чтобы снова попытаться полюбить. Клятва, сознательно лишенная официальности, подарила нам удивительную свободу. Нам казалось, что мы открыли тайный путь к идеальной близости – нечто, что, по словам Гарсиа Маркеса, «похоже на любовь, но лишено неприятностей, которые она приносит».

Так мы и жили до весны 2006 года: никому не мешали, строили совместную жизнь, но при этом деликатно не вмешиваясь в дела друг друга, довольные всем на свете. И мы прожили бы так до скончания дней, не случись одно ужасно неудобное для нас происшествие: в наши отношения вмешалось Министерство нацбезопасности США.

Проблема заключалась в том, что мы с Фелипе, хоть и имели много общего и хорошего, не могли, однако, похвастаться одной и той же национальностью. Он был бразильцем по рождению с австралийским гражданством и на момент нашего знакомства почти постоянно жил в Индонезии. Я – американка, проживающая, не считая путешествий, на Восточном побережье США. Поскольку наш роман разворачивался независимо от страны пребывания, поначалу мы не узрели в этом никаких проблем, хотя сейчас понятно, что надо было предвидеть осложнения. Как там в старой поговорке: рыба может влюбиться в птицу, но где они будут жить? Решение этой проблемы, как нам казалось, состояло в том, что мы оба готовы путешествовать: я была птицей, которая умела плавать, а Фелипе – рыбой, которая умела летать. И вот в первый год нашей совместной жизни или около того мы жили, в прямом смысле, то тут, то там: плавали и летали через океаны и континенты, чтобы быть вместе.

К счастью, работа позволяла вести такой свободный образ жизни. Я была писательницей и могла брать с собой работу повсюду. Фелипе – импортер ювелирных украшений и драгоценных камней; он продавал свой товар в США, и ему приходилось всегда быть в разъездах. Нам оставалось лишь скоординировать передвижения. Так что я летала на Бали, а он приезжал в Америку; потом мы оба ехали в Бразилию и снова встречались в Сиднее. Я устроилась на временную работу преподавателем литературного мастерства в Университет Теннесси, и несколько странных месяцев мы прожили в полуразвалившейся комнате старого отеля в Нокс-

вилле. (Могу порекомендовать этот вариант проживания любому, кто хочет проверить отношения на совместимость!)

Мы жили в ритме стаккато, в ритме галопа: в основном вместе, но вечно в движении, какучастники какой-то чудной международной программы защиты свидетелей. Наши отношения, хоть и становились крепче и спокойнее на личном уровне, с точки зрения логистики представляли собой постоянную проблему, а учитывая международные авиаперелеты, еще и влетали в копеечку. Было тяжело и психологически. С каждой новой встречей нам с Фелипе приходилось заново узнавать друг друга. В аэропорту неизменно возникал такой момент, когда я, ожидая друга у выхода, начинала нервничать и думала: узнаю ли я его? А он меня? И вот после первого года нам обоим захотелось чего-то более постоянного, и Фелипе сделал важный шаг. Он отказался от своего скромного, но милого коттеджа на Бали и переехал со мной в крошечный домик на задворках Филадельфии, который я недавно сняла.

Кому-то может показаться странным, что Фелипе согласился променять Бали на филадельфийский пригород, однако он поклялся, что жизнь в тропиках давно ему надоела. Жить на Бали слишком просто, жаловался он: каждый новый день – приятная и скучная копия предыдущего. Он уже давно собирался уехать оттуда, даже до того, как познакомился со мной. Человеку, который никогда не жил в раю, невозможно понять, как может наскучить такая жизнь (мне уж точно это казалось безумием), но Фелипе балинезийская сказка с годами успела набить оскомину. Никогда не забуду один из последних чудесных вечеров, проведенных в его коттедже. Мы сидели на улице босиком – кожа покрылась бусинками влаги на теплом ноябрьском воздухе, – пили вино и любовались океаном созвездий, мерцающих над рисовыми полями. Когда в кронах пальм зашелестел ароматный ветерок, принеся с собой обрывки церемониальной музыки из далекого храма, Фелипе взглянул на меня, вздохнул и громко сказал:

– Как же меня достало это дерьмо... Скорей бы вернуться в Филадельфию!

Так мы и оказались в Филадельфии, городе, знаменитом своими дорожными рытвинами.

Вообще-то нам обоим очень нравилось там жить. Маленький дом, который я снимала, находился рядом с домом моей сестры, где та жила с семьей. С годами я поняла, что для счастья мне необходимо жить рядом с ней, и это осуществилось. После того как мы с Фелипе (каждый по отдельности) долгие годы колесили по разным захолустьям, было здорово и как-то воодушевляюще снова поселиться в Америке, стране, которая, несмотря на все свои недостатки, была интересна нам обоим: динамичная, многонациональная, постоянно развивающаяся, безумно противоречивая, провоцирующая творческий взлет и очень живая.

Обосновавшись в Филадельфии, мы начали предпринимать – с вдохновляющим успехом – первые настоящие шаги в совместном хозяйстве. Фелипе продавал свои украшения, я работала над проектами, для осуществления которых нужно было оставаться в одном месте и проводить исследования. Он готовил, я стригла лужайку, а иногда один из нас включал пылесос. Мы хорошо ладили дома и без ссор делили ежедневные обязанности. Мы были амбициозны, продуктивны, полны оптимизма. Жизнь шла хорошо.

Однако подобные периоды стабильности никогда долго не длятся. Из-за визовых ограничений Фелипе мог провести в Америке лишь три месяца, после чего на некоторое время должен был выехать в другую страну. Вот он и уезжал, а я оставалась одна со своими книжками и соседями, пока его не было. Затем, через несколько недель, он возвращался в Штаты на следующие девяносто дней, и наша совместная жизнь возобновлялась. Эти девяностодневные отрезки, проведенные вместе, были для нас идеальными и свидетельствовали о том, с какой настороженностью мы оба подходим к вопросу долгосрочных обязательств. Мы, две травмированные жертвы развода, были готовы планировать будущее ровно на столько, при этом не чувствуя угрозы.

Иногда, когда рабочий график позволял, я выезжала из страны вместе с Фелипе. Этим объясняется тот факт, что однажды мы возвращались в США вместе из деловой поездки и

приземлились для пересадки по дешевому билету в международном аэропорту Даллас – Форт-Уорт. Я первой прошла иммиграционный контроль, спокойно шагая в шеренге других американских граждан, возвращавшихся на родину. Оказавшись по ту сторону, я стала ждать Фелипе, который находился в середине длинной очереди иностранцев. Он подошел к служащему, и тот внимательно стал изучать его австралийский паспорт, толстый, как Библия, – каждую страничку, отметку и голограмму. Обычно пограничники не так дотошны, и я занервничала: слишком уж долго рассматривали документ. Я смотрела и ждала, надеясь услышать самый важный звук, свидетельствующий об успешном прохождении границы: гулкий, как в библиотеке, тяжелый звук печати, приветственной отметки о въезде. Но я его так и не услышала.

Вместо этого пограничник взял телефон и тихонько куда-то позвонил. Через пару секунд пришел служащий в форме Министерства нацбезопасности США и увел мое сокровище.

Люди в форме продержали Фелипе в комнате для допросов аэропорта Далласа шесть часов. Шесть часов я просидела там, в приемной, в блеклой комнате с лампами дневного света, где, кроме меня, сидели напуганные люди со всего мира, окостеневшие от страха. Мне не разрешали ни увидеться с любимым, ни задавать вопросов. Я не знала, что они с ним делают и чего от него хотят. Знала лишь, что он не нарушил никаких законов, – но какое утешение от этой мысли мне тогда было, сами представляете. То были последние годы администрации Джорджа Буша-младшего, не самый спокойный момент в истории для того, чтобы твой любимый человек оказался под стражей у американских пограничников. Я пыталась успокоиться, повторяя известную молитву Юлианны Норвичской, мистической проповедницы четырнадцатого века: «Всё будет хорошо, и всё будет славно, и всякое, что случится, обернется во благо». Но мне совсем в это не верилось. Ничего не хорошо. То, что сейчас происходит, совсем не хорошо!

Время от времени я поднималась со своего пластикового стула и пыталась выудить хоть какую-нибудь информацию у иммиграционного служащего за пуленепробиваемым стеклом. Но он игнорировал мои мольбы, каждый раз повторяя одно и то же: «Когда нам будет что сказать о вашем бойфренде, мисс, мы вам сообщим».

Должна сказать, что в такой ситуации, пожалуй, нет в английском языке более жалкого слова, чем «бой-френд». Пренебрежение, с каким пограничник произнес это слово, свидетельствовало о том, что характер моих отношений с Фелипе не вызывает у него ни капли уважения. С какой стати правительственный служащий должен разглашать информацию о каком-то там *бой-френде*? Мне хотелось объясниться, сказать: послушайте, человек, которого вы держите за этой дверью, для меня важнее всех на свете. Но даже в моем нервном состоянии я сомневалась, что из этого выйдет толк. Я вообще боялась, что, если буду слишком наседавать на них, Фелипе это аукнется, и поэтому беспомощно отступила. Только потом мне пришло в голову, что надо было бы позвонить адвокату. Но телефона у меня с собой не было, бросать свой пост в приемной не хотелось, да и в Далласе я адвокатов не знала, к тому же на дворе был вечер воскресенья – ну и кому бы я дозвонилась?

Наконец, шесть часов спустя, вошел пограничник и провел меня по коридорам через кроличью нору бюрократических загадок в маленькую, тускло освещенную комнату, где сидели Фелипе и служащий нацбезопасности, который его допрашивал. Оба выглядели усталыми, но лишь один из них *был моим* – моим любимым, и лицо его было самым знакомым лицом во всем мире.

Когда я увидела Фелипе в таком состоянии, у меня в груди заныло от тоски. Мне хотелось дотронуться до него, но я чувствовала, что это не разрешено, поэтому осталась стоять.

Мой любимый устало улыбнулся и сказал:

– Дорогая, похоже, наша жизнь теперь станет намного интереснее.

Не успела я ответить, как ответственный за допрос взял ситуацию в свои руки.

– Мэм, – сказал он, – мы пригласили вас сюда, чтобы объяснить: вашему другу отныне въезд в США запрещен. Мы будем держать его под стражей до следующего рейса в Австралию, как обладателя австралийского паспорта. После этого в Америку он больше въезжать не сможет.

Первая моя реакция была физической – словно вся кровь в моем теле вдруг испарилась и зрение на секунду утратило способность фокусироваться. Еще через мгновение включился мозг. Я лихорадочно пыталась подытожить, чем нам грозит этот внезапный серьезный кризис. Фелипе зарабатывал на жизнь в Соединенных Штатах задолго до нашего знакомства: он занимался законным импортом драгоценных камней и ювелирных украшений из Бразилии и Индонезии для продажи на американских рынках и в Америку, соответственно, приезжал несколько раз в год. Америка всегда принимала международных дельцов вроде Фелипе с распростертыми объятиями – ведь они привлекают в страну товар и деньги, способствуют развитию коммерческой активности. Благодаря гостеприимству бизнес Фелипе процветал. На заработанные за пару десятков лет деньги он отправил обоих своих детей (они уже взрослые) в лучшие австралийские частные школы. Америка была центром его профессиональной жизни, пусть даже он никогда не жил здесь до недавнего времени. Но здесь находился его товар и все клиенты. Запрет на въезд полностью отрезал ему средства к существованию. Не говоря уж о том, что в Америке жила я, а Фелипе хотел быть со мной – и я никогда не захотела бы жить нигде, кроме Америки, ведь здесь у меня семья и работа. Фелипе тоже стал частью нашей семьи. Его с радостью приняли мои родители, сестра, друзья, весь мой мир. Как же нам продолжать жить вместе, если ему навсегда запретят приезжать? Что мы будем делать? (*«Где мы будем спать, ты и я?»* – как говорится в печальной песне о любви индейского племени винту. – *На зубчатой кромке обрушившегося неба? Где мы будем спать?»*)

– На каком основании вы его депортируете? – спросила я служащего, напустив на себя важный вид.

– Строго говоря, мэм, это не депортация. – В отличие от меня, ему не пришлось напускать на себя важный вид: у него это получалось само собой. – Мы просто отказываем вашему другу во въезде в США на том основании, что за последний год он въезжал слишком часто. Он ни разу не нарушил срок пребывания по визе, и, судя по его передвижениям, он попросту жил с вами в Филадельфии в течение трехмесячных отрезков, покидая страну лишь для того, чтобы сразу вернуться.

С этим трудно было поспорить, потому что именно это Фелипе и делал.

– Это преступление? – спросила я.

– Не совсем.

– Не совсем или нет?

– Нет, мэм, это не преступление. Поэтому мы его и не арестуем. Но трехмесячная виза, которую правительство США предоставляет гражданам дружественных государств, не предназначена для бесконечного количества последовательных въездов.

– Но мы об этом не знали, – сказала я. Фелипе решил вмешаться:

– Вообще-то, сэр, пограничник в Нью-Йорке сказал, что я могу ездить в Штаты сколько угодно, главное – не превысить девяностодневный срок пребывания.

– Не знаю, кто вам это сказал, но это не так.

Услышав его слова, я вспомнила, как Фелипе однажды предупреждал меня насчет пересечения границы: «Не думай, что это такая уж ерунда, дорогая. И никогда не забывай, что в любой день по любой причине любой пограничник в мире может вдруг решить, что впускать тебя ему не хочется».

– Ну и что бы вы сделали, если бы оказались в нашей ситуации? – спросила я.

Этому приему я научилась за многие годы и использовала его каждый раз в тупиковой ситуации: с равнодушными операторами службы поддержки, например, или апатичными бюро-

кратами. Если поставить вопрос таким образом, власть имущий вынужден задуматься и представить себя на месте беспомощного человека. Это такое тонкое воззвание к милосердию. Иногда помогает. Но, если честно, в большинстве случаев не помогает ни капельки. Правда, сейчас я была готова опробовать всё.

– Ну, если ваш друг хочет когда-нибудь снова вернуться в Соединенные Штаты, ему нужна виза получше – более постоянная. На вашем месте я бы ему такую поскорее сделал.

– Понятно, – ответила я. – А какой самый быстрый способ раздобыть эту более постоянную, более надежную визу?

Служащий взглянул на Фелипе, потом на меня и снова на Фелипе.

– Честно? – спросил он. – Вам двоим надо пожениться.

Мое сердце упало, причем звук был почти слышен. Сердце Фелипе упало одновременно с моим – полный беззвучный унисон, я услышала это в тесной комнате. Со стороны может показаться невероятным, что предложение сотрудника Министерства нацбезопасности застигло меня врасплох. Все мы слышали о браках ради «грин-карт». Кому-то, возможно, покажется невероятным и то, что предложение вступить в брак вызвало у меня расстройство, а не облегчение, учитывая наше отчаянное положение: хоть какой-то выход всё-таки. Но всё же эти слова меня удивили. И испугали. Сама идея замужества в моем сознании являлась таким жестким табу, что, высказанная вслух, она явилась для меня реальным шоком. Мне стало грустно и тяжело на душе, как после удара в спину, казалось, меня лишили фундаментального аспекта моего существования. Но острее всего было чувство, что я попала в ловушку. Мы оба в нее попались. Летающая рыба и плавающая птица угодили в сети. И впервые в моей жизни моя наивность ударила меня в лицо как мокрой тряпкой: *ну почему я была такой дурой и думала, что мы сможем вечно жить как вздумается!*

Какое-то время мы все молчали, а потом служащий министерства, увидев наши понурые лица, наконец спросил:

– Извините, ребята. А чем вам так не нравится эта мысль?

Фелипе снял очки и протер глаза – по опыту я знала, что это признак полного изнеможения. Он вздохнул и ответил:

– Ох, Том, Том, если бы ты знал...

Я не думала, что эти двое уже успели перейти на «ты», хотя, наверное, так обычно и бывает в ходе шестичасового допроса. Особенно если в роли допрашиваемого выступает Фелипе.

– Нет, серьезно – в чем проблема? – спросил офицер Том. – Вы уже и так вместе живете. И видно, что любите друг друга и не женаты на ком-то еще...

– Том, ты пойми, – проговорил Фелипе, наклонившись к нему и окончательно выбирая доверительный тон, словно мы находились и не в госучреждении вовсе, – нам с Лиз обоим пришлось пережить разводы в прошлом, и это было просто... просто ужасно.

Офицер Том промычал что-то вроде еле слышного понимающего «mmm...», потом тоже снял очки и потер глаза. Я инстинктивно бросила взгляд на средний палец левой руки: кольца не было. По отсутствию кольца и рефлекторной реакции скорбного понимания был поставлен моментальный диагноз: разведен.

И тут наш разговор принял сюрреалистическое русло.

– Ну, всегда же можно подписать брачный контракт, – заметил Том. – Это если вы беспокоитесь о финансовых проблемах, связанных с разводом. А если вас пугают отношения, можно обратиться к психологу.

Я слушала и удивлялась. Сотрудник Министерства национальной безопасности США дает нам советы по части счастливого брака! В комнате для допросов! Где-то в недрах международного аэропорта Далласа!

Когда ко мне вернулся дар речи, я наконец выступила с таким блестящим предложением:
– Офицер Том, а что, если я найду способ каким-то образом *нанять* Фелипе вместо того, чтобы выходить замуж? Можно ему будет приехать в Америку в качестве моего сотрудника, а не мужа?

Фелипе выпрямился и воскликнул:

– Дорогая! Какая потрясающая мысль!

Офицер Том посмотрел на нас как-то странно. И спросил Фелипе:

– Ты что, скорее предпочтешь, чтобы она была твоим боссом, чем женой?

– Ода!

Я чувствовала, как офицер Том почти физически сдерживает себя, чтобы не спросить: «*Да что вы вообще за люди?*» Но он был слишком хорошим профессионалом, чтобы позволить себе такое. Вместо этого он откашлялся и произнес:

– К сожалению, то, что вы предложили, в нашей стране незаконно.

Мы с Фелипе снова поникли – опять одновременно, в унисон – и погрузились в мрачное молчание. После долгой паузы я снова подала голос.

– Ну ладно, – проговорила я обреченно. – Давайте покончим с этим раз и навсегда. Если я выйду за Фелипе сейчас, прямо здесь, в вашем кабинете, вы пустите его в Америку сегодня? Может, у вас и священник прибережен для таких случаев в аэропорту?

Бывают в жизни моменты, когда лицо у обычного человека становится как у ангела, – это случилось и тогда. Том, усталый, с брюшком и значком техасского отделения Министерства нацбезопасности, улыбнулся мне с такой грустью, добротой и светлым пониманием, каким совершенно не было места в этой душной бесчеловечной камерке. Он вдруг сам стал похож на священника.

– Не-е-т, – тихонько протянул он, – боюсь, так дела не делаются.

Теперь, оглядываясь назад, я, конечно, понимаю, что офицер Том уже тогда знал, что предстоит нам с Фелипе, – знал гораздо лучше нас. Он знал, что получить официальную визу жениху гражданки США будет ой как непросто, особенно после «пограничного инцидента» вроде этого. Офицер Том предвидел всю тягомотину, которая нас ждала: от адвокатов в трех странах на трех континентах, ни больше ни меньше, которые должны будут оформить все необходимые документы, от рапортов из федеральной полиции в каждой стране, где Фелипе когда-либо проживал, стопок личных писем, фотографий и прочих интимных свидетельств, которые нужно будет собрать, чтобы доказать, что наши отношения не выдуманные (в том числе, что меня особенно взбесило, общие банковские счета – ведь именно их мы с особенным усердием пытались в нашей жизни *не* объединять), до отпечатков пальцев, прививок, обязательного рентгена грудной клетки на туберкулез и собеседований в американских посольствах за границей; до выписок о военной службе, которые нам каким-то образом придется раздобыть, – тридцать пять лет назад Фелипе служил в бразильской армии; до невообразимого количества времени, которое Фелипе придется провести вне США, пока продолжается вся эта катавасия, и невообразимого количества затрат, и, хуже всего, до ужасающей неопределенности, что, возможно, всех этих усилий будет недостаточно, неуверенности в том, признает ли правительство Соединенных Штатов (которое в этом случае вело себя не иначе как суровый, старых правил папаша) Фелипе в качестве супруга своей ревностно охраняемой законной дочери. Так вот, офицер Том знал обо всем этом заранее, и то, что он проявил к нам сочувствие ввиду того, что нам предстояло, было неожиданно добрым поступком в ситуации, которая иначе была бы абсолютно ужасной. Никогда до этого момента я не могла даже вообразить, что буду хвалить сотрудника Министерства нацбезопасности в книге, поэтому можете представить, в каком странном положении мы оказались.

Однако должна сказать, что офицер Том сделал ради нас еще одно доброе дело (прежде чем заковал Фелипе в наручники и отвез в окружную тюрьму Далласа, бросив на ночь в камеру

с реальными преступниками). А сделал он вот что: оставил нас наедине в комнате для допросов на целых две минуты, чтобы мы могли спокойно попрощаться.

Когда на прощание с человеком, которого любишь больше всего на свете, у тебя всего две минуты, да к тому же неизвестно, когда вы снова увидите, язык путается, потому что хочешь сказать и сделать всё одновременно.

За две минуты наедине мы, запыхавшись, выработали поспешный план. Итак, согласно плану я должна была вернуться домой в Филадельфию, съехать из арендованного дома, отправить вещи на хранение, найти адвоката по иммиграционным делам и запустить юридический процесс. Фелипе, разумеется, отправится в тюрьму. Затем его депортируют в Австралию – пусть даже, строго говоря, это не депортация. (Прошу простить меня за то, что в этой книге я все же буду использовать термин «депортация», потому что просто не знаю, как назвать другими словами, когда человека вышвыривают из страны.) Поскольку в Австралии Фелипе давно уже не жил, у него не было там ни дома, ни финансовых перспектив. Когда я разберусь со всеми делами, то приеду к нему на другой конец света и мы как можно скорее обустроимся где-нибудь подешевле, скорее всего в Юго-Восточной Азии. Там мы вместе переждем этот период неопределенности, который неизвестно сколько продлится...

Пока Фелипе записывал для меня телефоны своего адвоката, взрослых детей и деловых партнеров, чтобы я могла предупредить всех о ситуации, в которой он оказался, я вытряхнула сумочку и стала отчаянно искать любые предметы, способные облегчить его пребывание в тюрьме: жвачку, все наличные деньги, бутылку воды, нашу совместную фотографию и книжку, которую я читала в самолете, с подходящим названием – «На что способны люди ради любви».

Затем его глаза наполнились слезами, и он сказал:

– Спасибо за то, что пришла в мою жизнь. Что бы теперь ни случилось, что бы ты ни решила делать дальше, знай: ты подарила мне два самых счастливых года в моей жизни, и я никогда тебя не забуду.

И тут я поняла: о боже, он думает, что я его брошу!

Его реакция удивила и растрогала меня, но больше всего пристыдила. Когда офицер Том сказал, что нам придется пожениться, мне и в голову не пришло отвергнуть этот вариант, способный спасти Фелипе от ссылки, – но, видимо, Фелипе посчитал, что я вполне могу его бросить. Он действительно боялся, что я оставлю его в подвешенном состоянии, без денег, в тюрьме. Так вот, значит, что он обо мне думает... Хотя наш роман продлился недолго, неужели я уже успела зарекомендовать себя как человек, который прыгает за борт при первой же сложности? Но, учитывая мое прошлое, были ли его страхи так неоправданны? Если бы на его месте оказалась я, то не сомневалась бы ни на минуту, что на него можно положиться, что он готов будет пожертвовать чем угодно ради меня. Но видел ли он во мне такую же опору?

Должна признать – случись всё это десятью – пятнадцатью годами раньше, я бы точно кинула партнера, оказавшегося в опасной ситуации. Увы, но в юности мои моральные качества были сомнительными (а кто-то скажет, их не было вовсе), и бестолковое и ветреное поведение, можно сказать, было моим коньком. Но теперь для меня важно, чтобы меня считали человеком с сильным характером, и с возрастом это становится всё важнее.

В тот момент – а у нас наедине осталось всего несколько секунд – я сделала единственную правильную вещь, какую только могла сделать для мужчины, которого обожаю. Поклялась, выговаривая слова прямо ему в ухо, чтобы подчеркнуть всю серьезность своего намерения, что не оставлю его и сделаю все возможное, чтобы всё исправить. И даже если остаться в Америке у Фелипе не получится, мы все равно будем вместе, где бы это ни было.

Вернулся офицер Том.

В последний момент Фелипе прошептал мне:

– Я так тебя люблю, что даже готов на тебе жениться.

– И я люблю тебя так, – ответила я, – что даже готова выйти замуж.

На этом милые сотрудники Министерства нацбезопасности развели нас в стороны, надели на Фелипе наручники и проводили его сначала в тюрьму, а затем и вон.

В тот вечер в самолете, на пути домой в наш ныне не существующий маленький рай в Филадельфии, я более трезво задумалась о том, на что только что подписалась. К удивлению своему, мне не хотелось ни плакать, ни истерить – слишком уж серьезной была ситуация, чтобы делать то или другое. Вместо этого я преисполнилась каким-то зверским чувством сосредоточения, пониманием, что от меня требуется как можно большая серьезность. Всего за несколько часов наша с Фелипе жизнь перевернулась, как блинчик, поддетый гигантской космической лопаткой. И теперь, похоже, мы жених и невеста! Вот уж странная и быстрая помолвка, ничего не скажешь. Не Остин, а Кафка какой-то. И всё же помолвка официальная, потому что так надо.

Ну и ладно. Пусть будет так. По крайней мере, я не первая женщина в нашей семье, кому придется выйти замуж ввиду серьезных обстоятельств, – хотя, в моем случае, не по залету. Но рецепт-то одинаковый: жениться, и срочно. Это мы и сделаем.

Однако существовала одна реальная проблема, которую я и идентифицировала в самолете: я понятия не имела, *что такое брак*.

Один раз я уже сделала эту ошибку: вышла замуж, ничего толком не понимая в институте брака. Можно сказать, я просто выскочила замуж в совершенно незрелом возрасте двадцати пяти лет, и было это примерно как Лабрадор прыгает в бассейн – с полной дури, без понятия, к чему всё приведет. А ведь по-хорошему, в двадцать пять я была такой раздолбайкой, что мне нельзя было доверить выбор зубной пасты, не говоря уж о собственном будущем. И эта безответственность, можете себе представить, дорого мне обошлась. Шестью годами позже последствия пришлось разгребать лопатой, в мрачной обстановке бракоразводного суда.

Оглядываясь надень своей первой свадьбы, я всегда вспоминаю роман Ричарда Олдингтона «Смерть героя», то место, где он размышляет о судьбе двух своих героев в злополучный день их свадьбы: «Поистине неизмеримо было невежество, роковое невежество Джорджа Огеста и Изабель, когда те поклялись быть вместе до самой смерти». Как и олдингтоновская Изабель, я была романтической юной невестой, о которой тоже можно было бы написать: «То, чего она *не знала*, включало в себя почти весь спектр человеческих знаний. Проще перечислить, что она знала».

Однако теперь, в значительно менее романтическом возрасте тридцати семи лет, я не была уверена, что знаю о реалиях законного союза больше, чем тогда. Мой брак обернулся катастрофой, и потому я боялась его до смерти, но вряд ли это делало меня экспертом в брачных делах – скорее это делало меня экспертом лишь в катастрофах и смертельных страхах, областях, где и без меня навалом специалистов. И всё же судьба вмешалась и потребовала, чтобы я снова вступила в брак, а жизненный опыт научил меня, что вмешательство судьбы порой следует воспринимать как приглашение встретиться лицом к лицу и даже побороть наши самые большие страхи. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: когда обстоятельства вынуждают вас совершить то, чего вы всегда больше всего боялись и ненавидели, это может стать, по меньшей мере, любопытной возможностью для саморазвития.

И вот на рейсе из Далласа до меня постепенно дошло, что теперь, когда мой мир перевернулся, когда мой любимый выслан из страны и нам двоим хочешь не хочешь, а придется пожениться, – возможно, стоит использовать это время, чтобы каким-то образом примириться с идеей вступления в брак, прежде чем я снова брошусь в омут с головой. Возможно, было бы неплохо приложить усилия и попытаться разгадать загадку – что же, во имя Господа и истории человечества, это за предприятие, которое, несмотря на всю свою непонятность, раздражающую природу и противоречия, упорно продолжает существовать уже много веков.

Этим я и занялась. В последующие десять месяцев, пребывая с Фелипе в ссылке, оторванная от корней и одновременно вынужденная вертеться колесом, чтобы вернуть его в Америку, где мы могли бы мирно пожениться (офицер Том предупредил: если мы поженимся в Австралии или еще где-нибудь, это лишь раздосадует Министерство национальной безопасности и затян timer иммиграционный процесс), – единственным, о чем я думала, о чем читала и разговаривала с кем бы то ни было, был этот непонятный предмет – замужество.

Своей сестре, живущей в Филадельфии (которая очень кстати оказалась настоящим историком), я поручила прислать мне несколько коробок книг о браке. Где бы мы с Фелипе ни останавливались, я запиралась в комнате гостиницы и читала эти книги, проводя бесчисленное количество часов в компании таких выдающихся специалистов по предмету, как Стефани Кунц⁴ и Нэнси Котт,⁵ – исследователей, чьи имена я прежде никогда не слышала, но которым предстояло стать моими кумирами и наставниками.

По правде говоря, поглощенность предметом сделала из меня путешественника хуже некуда. За эти месяцы мы с Фелипе побывали во многих интересных и красивых местах, но, боюсь, я не всегда уделяла должное внимание нашему окружению. С самого начала это путешествие не являлось для меня беззаботным приключением. Оно больше походило на изгнание, на хиджру. Путешествовать, потому что не можешь вернуться домой, потому что одному из двоих по закону *нельзя* возвращаться домой, по определению не может быть приятным занятием.

Мало того, наша финансовая ситуация вызывала беспокойство. Оставалось меньше года до того, как «Есть, молиться, любить» предстояло стать бестселлером и принести деньги, но этого чудесного события пока не случилось, да мы на него и не рассчитывали. Фелипе перекрыли его источник дохода, поэтому мы жили на то, что осталось от моего последнего книжного гонорара, и не знали, хватит ли этих денег надолго. На какое-то время их, конечно, хватило бы, но не навсегда. Я только начала работу над новым романом, но подготовка и написание были прерваны депортацией Фелипе. Так мы и оказались в Юго-Восточной Азии, где два экономных человека вполне способны прожить на тридцать долларов в день.

Не могу сказать, что мы мучились в этот период изгнания (до голодающих политических беженцев нам было далеко, конечно), но всё же жизнь была очень странной и напряженной, и эти напряжение и странность ощущались еще заметнее, если учесть, что было непонятно, чем всё это кончится.

Мы странствовали по миру около года в ожидании того дня, когда Фелипе вызовут на собеседование в американское консульство в Сиднее. Переезжая из страны в страну, мы стали похожи на парочку, страдающую бессонницей и пытающуюся найти удобное положение для сна в чужой неудобной кровати. Не раз в беспокойную ночь (и действительно в чужой и неудобной кровати) я лежала в темноте и размышляла о своих внутренних конфликтах и предрассудках, связанных с замужеством, обдумывала прочитанное, выискивая в истории утешительные выводы.

Сразу скажу, мои исследования ограничились в основном изучением брака в западной истории, и это культурное ограничение отразилось в книге. Любой серьезный историк и антрополог, специализирующийся на вопросах брака, обнаружит в моем повествовании большие дыры – ведь я оставила без внимания целые континенты и века человеческой истории, не говоря уж о важнейших понятиях, относящихся к браку (к примеру, полигамия). Мне было бы интересно и, конечно, познавательно глубже окунуться во все существующие брачные обычаи на Земле, но у меня просто не было времени. Если бы я попыталась хотя бы разобраться в

⁴ Кунц, Стефани (род. 1944) – американский ученый, автор трудов по истории семьи и брака.

⁵ Котт, Нэнси – профессор Гарвардского университета, автор книг о роли женщин в истории США и истории феминистского движения.

сложной природе брачных отношений в исламском обществе, одна эта тема заняла бы, наверное, годы исследований, а мои обстоятельства были срочными и препятствовали столь глубокому анализу. В моей жизни начался реальный отсчет: менее чем через год я должна была выйти замуж, нравится мне это или нет, хочу я этого или нет. Из-за этого я посчитала нужным сосредоточиться на истории моногамного западного брака, чтобы лучше разобраться в унаследованных мною предрассудках, той форме, которую приняла моя семейная история, и целом спектре комплексов, свойственных моей культуре.

Я надеялась, что все эти знания каким-то образом уменьшат мою глубокую неприязнь к институту брака. Я не знала, как именно это произойдет, но в прошлом всегда так и было – чем больше я узнавала о предмете, тем меньше он меня пугал. (Как в сказке про Румпельштильхена⁶ – иногда со страхом можно справиться, узнав настоящее имя злого карлика.) Больше всего мне хотелось найти способ каким-то образом порадоваться нашему с Фелипе браку, когда наступит торжественный день, а не глотать свою судьбу, как твердую и горькую таблетку. Можете считать меня старомодной, но мне казалось, что это такой милый нюанс – быть счастливой на собственной свадьбе. Точнее, *осознанно счастливой*.

Эта книга рассказывает о том, как мне это удалось.

И рассказ начинается (должен же каждый рассказ где-то начинаться) в горах Северного Вьетнама.

⁶ Известная сказка братьев Гримм о злом карлике, который пообещал дочери мельника научить ее спрягать солому в золото, если та отдаст ему своего первенца. Впоследствии карлик поставил условие: если девушка отгадает его имя, он оставит ей ребенка.

Глава 2

Замужество и ожидания

*Мужчина может быть счастлив с любой женщиной – при условии,
что он ее не любит.*

Оскар Уайльд

В тот день меня подстерегла маленькая девочка.

Мы с Фелипе прибыли в деревню с ханойского ночного поезда – грохочущего, грязного, советских времен. Не помню точно, почему мы отправились именно в это захолустье – кажется, нам его порекомендовала компания молодых датских бэкпекеров.⁷ Как бы то ни было, после долгого путешествия в дребезжащем загаженном поезде нас ждало столь же долгое путешествие в дребезжащем загаженном автобусе.

Наконец автобус высадил нас в месте такой красоты, что подкашивались колени, на самой границе с Китаем – зеленая, дикая глушь. Мы нашли гостиницу, а когда я одна вышла на улицу побродить по деревне и размять затекшие в пути ноги, ко мне подошла та малышка.

Ей было двенадцать лет, как я потом узнала, но по сравнению с двенадцатилетними американками она была просто Дюймовочкой. Красивая до жути: смуглая, гладкая кожа, блестящие волосы, заплетенные в косички; компактная фигурка, крепкая, уверенная; одета в короткую вязаную тунику. На ногах у нее были яркие шерстяные рейтузы, хотя стояло лето и дни были знойные; единственное, что отвечало сезону, – пластиковые шлепанцы китайского производства.

Девочка поджидала у гостиницы уже какое-то время – я заприметила ее, еще когда мы заселялись. И вот теперь, когда я вышла на улицу без сопровождения, она без стеснения накинулась на меня:

– Как тебя зовут?

– Лиз. А тебя?

– Май. Могу записать по буквам, чтобы ты научилась писать без ошибок.

– Ты хорошо говоришь по-английски, – похвалила я.

Май пожала плечами:

– Конечно. Часто тренируюсь, с туристами. Еще я говорю по-вьетнамски, по-китайски и немножко – по-японски.

– А как же французский? – пошутила я.

– *Un peu*⁸, – кивнула она и хитро взглянула на меня. А потом спросила: – Откуда ты, Лиз?

– Из Америки, – ответила я и, решив подтрунить над ней – ведь понятно же, что она из этой деревни, – задала встречный вопрос: – А ты откуда такая взялась, Май?

⁷ Путешественник, принципиально отказывающийся от услуг туроператоров, выбирающий маршрут и средства передвижения самостоятельно.

⁸ Немного (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.